

КОРРЕЛЯТЫ “ПРОСТАЯ МЕТАФОРА/СЛОЖНАЯ МЕТАФОРА” И “НЕРАЗВЁРНУТАЯ МЕТАФОРА/РАЗВЁРНУТАЯ МЕТАФОРА”: ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

В статье анализируются корреляты “простая метафора/ сложная метафора” и “неразвёрнутая метафора/развёрнутая метафора” в прагматическом аспекте.

Рассмотрим сущность совпадений – несовпадений в содержании и функционировании коррелирующих членов описанных оппозиций терминов: соответственно понятий простой и неразвёрнутой метафоры (ПМ – НМ), а также сложной и развёрнутой метафоры (СМ – РМ).

Что касается соотношения понятий ПМ – НМ, отражающих два разных подхода к оценке минимальных метафор, то здесь следует учитывать, что для одних метафорических бинарм данные характеристики совпадают (т.е. одно и то же метафорическое словосочетание может быть охарактеризовано и как ПМ в плане формальном, и как НМ в семантическом плане), в то время как для других – распадаются.

Здесь снова речь пойдёт о двух основных классах метафорических словосочетаний, выделенных ранее:

1) бинармы, компоненты которых характеризуются отношениями идентификации (изба-старуха, кувшин жизни, лунный гребень и т.п.) или же сводимы к отношениям $A = B$;

2) бинармы, между компонентами которых обнаруживаются отношения предикации свойств одного предмета другому (весёлый ветер, лес грустит и т.п.), соответствующие формуле $A + Bpr$.

С формально-синтаксической точки зрения обе группы словосочетаний являются ПМ. С семантической – они неоднородны. Первая группа представляет собой НМ, которые потенциально могут выступать в качестве образно-смысловых фокусов РМ, т.е. могут быть “продолжены” по принципу “если А есть В, то...”. Ср.:

Изба-старуха челюстью порога /Жуёт пахучий мякиш тишины (С.Есенин); Чешет тучи лунный гребень (С.Есенин).

Вторая группа словосочетаний представляет собой РМ, поскольку в качестве развиваемой выступает ассоциация “живое – неживое” (ветер – человек, лес – человек), представленная имплицитно; эксплицитно выраженными являются её следствия (предикаты весёлый, грустит). Следовательно, и метафора типа Лес грустит, и метафора типа Пригорюнились девушки-ели (С.Есенин) – это РМ, но первая отличается по своей лингвистической природе от второй наличием дополнительной импликации. Дополнительным аргументом в пользу отнесения и тех, и других конструкций к РМ служит факт взаимозамены этих типов метафор в процессе художественного перевода, отмеченный М.Н.Литвиновой [1].

Семантическое устройство подобных метафорических конструкций раскрывается путём их проекции на обычный, стандартный язык. В результате такой проекции обнаруживаются “пересекающиеся парадигматические ряды стандартных сочетаний” [2, 131] типа Девушки пригорюнились – Ели не шумят.

Как видно, существенной особенностью семантического подхода к метафоре в сравнении с формально-синтаксическим является то, что первый учитывает не только эксплицитный, но и имплицитный уровень метафоры, её глубинную семантику.

В отношении того, как соотносятся понятия СМ и РМ, также отметим, что здесь возможны и случаи совпадения данных характеристик для одних и тех же конструкций, и случаи их несовпадения.

В качестве примеров, демонстрирующих совпадение названных характеристик, приведём следующие: {... ты лишь (капля в океане истории народа)} (В.Луговской); {(Облаков барашки) голубые / Жарятся на (вертелах лучей)} (А.Жаров).

Как видно, с формально-синтаксической точки зрения это СМ, объединяющие в едином контексте простые метафоры. С точки зрения структурно-семантической в обеих конструкциях можно выделить отправную метафору (образно-смысловой фокус) и её “следствия”: если народ – океан, то человек – капля в этом океане; если облака – барашки, то они могут жариться, то лучи солнца –вертела, на которых они жарятся. Следовательно, это РМ.

Когда та или иная СМ не является РМ (или наоборот), характерны расподобления следующего качества. Во-первых, как мы уже убедились, РМ может в формально-синтаксическом плане представлять собой ПМ. Во-вторых, не каждая метафорическая конструкция, обнаруживающая в своём составе объединение более элементарных метафор, может быть интерпретирована как РМ с точки зрения семантического подхода, ср.:

{Улица–(рыба мёртвых столетий)} (В.Хлебников); { ... (времени крыло) осветило (славой снежной) безмятежное чело} (А.Ахматова).

Данные СМ не являются РМ, поскольку в первой из них нет никаких “шагов” в сторону её развёртывания как для микрометафоры (если столетия – рыбы, то..?), так и для макрометафоры (если улица – рыба, то ..?), а во второй синтагматически взаимодействующие метафорические звенья связаны не отношениями развития метафорической темы, а лишь через свои метафоризируемые элементы (лексемы время и слава). Нельзя также причислить к развёрнутым и контексты типа И бледный серп луны холодными лучами /Твой мирный уголок таинственно зальёт (С.Надсон), в которых смысловые фокусы не являются тематически продолженными, а по сути оказываются изолированными микро-метафорами в составе макро-метафоры (глагол зальёт в данном примере не продолжает образную тему, заданную ассоциацией луна – серп).

Иное дело с той же ассоциацией в другом примере: Он будет ночью – светлый серп, / Сверкающий на жатве ночи (А.Блок), где ассоциация месяц – серп (представленная в данном случае имплицитно) получает тематическую поддержку в виде элементов сверкающий, жатва (два последних примера заимствованы из статьи Н.А.Кожевниковой [3, 152]).

Следовательно, второй пример представляет собой РМ. В более редких случаях контекст ОРМ принимает форму сложного предложения. В таких ОРМ одна из предикативных частей содержит развиваемую, а другая – развивающую часть ОРМ, ср.: Жизнь – это конь, что рвётся из

удил, / Что вертит крупом, скинуть наземь меця (Е.Винокуров); Малый разум мой вырос в огромный мотор, / вокруг себя он вращает людей, города (Б.Ахмадулина).

Таким образом, предложение – основная форма реализации минимальных контекстов (микрконтекстов) РМ.

Вместе с тем показательны и случаи распространения одной РМ на два и более предложения. Границы такого членения в целом совпадают с границами членения РМ в сложном предложении, но при этом более подвижны. Так, отмечается членение на границе “фокус” // “развивающая часть”, когда смысловой фокус дан в одном предложении, а предикативные распространители метафоры – в другом или в нескольких предыдущих или последующих предложениях, ср.: Я тоже приёмник! / Настраивай / меня / на такую капеллу, / добейся настройки, / настраивай, / чтоб таяло всё / и кипело! (С.Кирсанов).

К данным конструкциям близки такие, в которых ряд последующих предложений объединяют в единый тропеический контекст элементы развивающей части РМ. Ср.: Как сумрачно глядит пространство- нелюдим! / Оно манит само, но не приемлет шуток. / Несдобровать тому, кто был развязан с ним (Б.Ахмадулина).

Характерно членение на границе “объект смыслового фокуса” // “субъект + развивающая часть”. Ср.: Я уходящих в грусти не виню – / Ну, где же старикам / За юношами гнаться? / Они несжатой рожьё на корню / Остались догнивать и осыпаться (С.Есенин).

Наконец, наблюдаются и случаи размещения объекта, субъекта и элементов развивающей части в разных предложениях, ср.: Поэзия! Ты – служба крови! / Так перелей себя в других / Во имя жизни и здоровья / Твоих сограждан дорогих (И.Сельвинский).

Более протяжённые контексты метафорического тропа – текст и интертекст – заставляют говорить о себе как об особых контекстных формах метафоры и будут анализироваться в последующих главах.

Таким образом, контекст РМ – понятие не чисто синтаксическое, а семантико-синтаксическое: границы контекста конкретной РМ – это границы той синтаксической конструкции или тех синтаксических конструкций, в которых присутствуют конструктивные элементы данного тропа.

Многофокусные развёрнутые метафоры - МРМ, как и ОРМ, могут иметь большую или меньшую степень развёрнутости, которая по отношению к МРМ определяется главным образом количеством развивающих центральный смысловой фокус звеньев метафоризации (развивающих фокусов). Большинство из привлечённого материала составляют двуфокусные РМ, в которых один из фокусов главный, а другой – развивающий, ср., например:

Разевая / пробку-рот, / зашипел / Нарзан-герольд (С.Кирсанов); конструкции, имеющие в своём составе три и более смысловых фокуса (главный и два развивающих), встречаются реже.

Ср.: Время – мельница с крылом / Опускает за селом / Месяц маятником в рожь / Лить часов незримый дождь (С.Есенин); И тогда уже – скомкав фонарей одеяла – / ночь излюбилась, похабна и пьяна, / а за солнцами улиц где-то ковыляла / никому не нужная, дряблая луна (В.Маяковский).

МРМ, как и ОРМ, могут строиться и на базе эксплицированных, и на базе имплицированных метафор.

МРМ, основанные на базе эксплицированных метафор, могут иметь в качестве смысловых фокусов бинарные метафорические словосочетания или метафоры с дистантно расположенными элементами фокуса. Среди конструкций, основанных на бинарных словосочетаниях, выделяются такие, в которых данные бинармы являются однокачественными, и такие, в которых объединены разнокачественные бинармы, как словосочетательные, так и несловосочетательные.

Первой разновидности соответствуют следующие примеры: Лошадиную морду месяца / Схватить за узду лучей (С.Есенин); ...где над янтарным озером паркета / восходит люстры чистая луна (Б.Ахмадулина) – объединены генитивные метафоры; Ваши песни – стоны молота, / В них созвучья – шлак и олово (Н.Клюев); Проза – это орудья тяжёлые, / но разведчики – это стихи (Е.Евтушенко) – объединены предикативные метафорические словосочетания; Разевая /пробку-рот, / зашипел / Нарзан-герольд (С.Кирсанов); ...спит на пляжах /витрин-морей / вещь-змея / и вещь-крокодил (С.Кирсанов) – объединены метафоры-приложения.

Вторая разновидность приёмов допускает довольно широкую вариативность объединения разнокачественных бинарм в пределах единого тропеического контекста, например: генитивная метафора + атрибутивная метафора: Только в думах поддонных, в сердечных домнах / Выплавляется жизни багряное золото (Н.Клюев); метафора-приложение + генитивная метафора: И со щёк заката / Спрыгнут скулы-дни (С.Есенин); генитивная метафора + несловосочетательная метафора: Раскинувши нив алфавиты, / Россия волшебную книгу / Как бы на серёдке открыта (Б.Пастернак).

Что касается МРМ, содержащих имплицированные элементы в составе своих смысловых фокусов, то их можно разделить на две группы. Для первой из них характерно взаимодействие эксплицированных фокусов с имплицированными, а для второй – наличие только имплицированных.

Первая группа представлена двумя разновидностями примеров.

Во-первых, это МРМ с эксплицированным главным фокусом и имплицированными развивающими, ср.: Слон небес трубит свирепо – / блещут бивни (Н.Асеев); Отрок-ветер по самые плечи / Заголил на берёзке подол (С.Есенин).

В приведённых примерах имплицированные элементы развивающих метафорических звеньев (дополнительных смысловых фокусов) довольно легко восстанавливаются при опоре на эксплицированный главный фокус, в чём проявляет себя причинно - следственная закономерность развёртывания метафорических рядов (М.Л.Новикова) в единстве с закономерностью отнесённости объектов и субъектов взаимодействующих метафорических звеньев к единым ЛСГ.

Следуя этим закономерностям, мы легко восстанавливаем в каждом из приведённых примеров имплицированные элементы развивающих фокусов: бивни – молнии; берёза – девушка; жизнь – книга. Как видно, имплицированными могут быть как объекты (молнии), так и субъекты (девушка, книга) смысловых фокусов.

Следует отметить, что характеристика М.Л.Новиковой причинно- следственных отношений при развёртывании метафорического контекста как отношений импликации [4, 15 – 16]

небезоговорочна для языка поэзии, где контекст РМ часто приобретает форму предложения. В том случае, когда МРМ выражается сложноподчинённым предложением с придаточным условия, эти отношения оформляются как отношения экспликации, ср.: И если вы – мир, / то тогда мы – / приправа / для этого пресного / мира (Р.Рождественский).

Во-вторых, импликация структурных элементов метафоры может наблюдаться и по отношению к главному смысловому фокусу, ср.:

Мы этой книги кормчей / Живой курсивный шрифт (Б.Пастернак); Синим жёрновом развеяны и смолоты / Водяные зёрна на муку (С.Есенин); Немая ночь взойдёт на трон свой голубой / И ризу звёздную расстелет над горами (С.Надсон).

В рассмотренных примерах имплицированными являются элементы базовых метафор: книга – жизнь (имплицирован объект), жёрнов – небо (имплицирован объект), ночь – царица (имплицирован субъект).

Таким образом, есть все основания понимать минимальную метафору как порождение контекста (минимум – бинарного) – с одной стороны и как феномен, в то же время обладающий способностью порождать более широкие контексты, – с другой.

Развёрнутая метафора в качестве самостоятельного тропеического средства русской поэзии выделяется именно на семантических основаниях и противопоставляется метафоре неразвёрнутой в качестве особой формы контекстуального бытия метафоры.

Литература:

1. Литвинова М.Н. К вопросу о разграничении терминов “сложная метафора” и “развёрнутая метафора”. – М., 1998. – С. 64–68.
2. Ольшанский И.Г., Скиба В.П. Лексическая полисемия в системе языка и тексте (на материале немецкого языка). – Кишинёв: Штиинца, 1987. – С. 128.
3. Кожевникова Н.А. Метафора в поэтическом тексте // Метафора в языке и тексте / Отв. ред. В.Н.Телия. – М.: Наука, 1988. – С. 145–165.
4. Новикова М.Л. Метафора, её структура, семантика и связь с текстом // Лингвистическая семантика и логика. – М., 2000. – 300 с.